

УДК 330.83

*А.П. Заостровцев***НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ МЕЙНСТРИМ: ТОРЖЕСТВО НАУЧНОГО МЕТОДА ИЛИ НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ?**

Рассматривается критика математизации экономической науки австрийской экономической школой. Подчеркивается методологический дуализм Мизеса, заключающийся в разграничении методов естественных и общественных наук. Демонстрируется, что австрийская школа связывает с математизацией экономики ключевые концепции неоклассики. Раскрываются истоки математизации и ее последствия для экономической науки.

Ключевые слова: неоклассика, экономический мейнстрим, австрийская экономическая школа, математизация, экономический империализм, методологический дуализм, праксиология, отсутствие констант.

Введение

Экономическая теория сегодня прочно ассоциируется с тем, что называют неоклассикой или экономическим мейнстримом¹. Главным ее отличительным признаком уже более полувека (ориентировочно с первого десятилетия после окончания Второй мировой войны) является математика как инструмент теоретических построений (моделей) и тестирования их на предмет правильности (эту функцию выполняет математическая статистика, названная экономистами эконометрикой). В подтверждение этого тезиса можно снова сослаться на А. Либмана как одного из ведущих представителей экономического мейнстрима в России и в данном случае полностью согласиться с ним, когда он в качестве первого его признака выделяет «жесткий формат строгости, предполагающий обязательное применение математического моделирования, вычислительной экономики и эконометрики» [6. С. 108].

Тотальная математизация экономической теории в рамках основного течения (именно так переводится с английского термин «мейнстрим») совсем не нейтральна к ее содержанию. Инструмент (метод) во многом определяет видение мира исследователем. Более того, чем больше и дольше он применяется, тем прочнее он укрепляется в качестве общепринятого стандарта (имеет место специфический случай так называемого эффекта колеи, описанного в институциональной экономике) и тем нетерпимее становятся применяющие этот метод по отношению к неортодоксальным экономическим теориям, ставящим под сомнение его адекватность применительно к изучению человеческого общества². «Вне математики – вне науки», – так формулируют свой приговор «мейнстримовцы».

Математической экономической теории вскоре после «завоевания» экономики стало тесно в рамках традиционного предмета. Она развила экспансию едва ли не на все области общественности (политологию, социологию, право), названную «экономическим империализмом». При этом «экономический империализм не должен порождать иллюзий реальной экспансии экономистов» [3. С. 72]. Поскольку «это, скорее, экспансия методов, а не предметных областей» (Там же). Короче говоря, все та же математизация, превращающаяся, по выражению американского политолога И. Шапира, в «бегство от реальности»³.

¹ А. Либман делает попытку отделить современный экономический мейнстрим от неоклассики, трактуя его, вслед за рядом экономистов, как нечто более широкое по своему теоретическому разнообразию и даже обретшее новую парадигму. Однако дальнейшее перечисление им основных признаков мейнстрима не позволяет разделить точку зрения автора [6. С. 107-110]. Мейнстрим в частности, конечно, меняется, но его неоклассическая парадигма («твердое ядро») остается.

² В некоторых случаях агитация «за математику» доходит до абсолютно крайних суждений. Примером может служить публичная лекция доцента РЭШ («базового лагеря» экономического мейнстрима в России) А. Саватеева, размещенная на известном интернет-сайте polit.ru. «Любой научный метод – это метод математический... Любая наука развивается, в какой-то момент происходит революция – и она становится математизированной. Ну, просто потому, что если вы долго думаете о каком-либо вопросе, вы в конце концов думаете в терминах математики. Это категорический императив. То есть я сейчас обращаюсь к тем, кто о науке никогда не думал, можете просто поверить мне на слово. Это истина в последней инстанции». И далее: «Никаких методов, кроме математических, наука не знает. И если эти методы не работают – это, конечно, плохо, и иногда они не работают, – то никакие другие всё равно работать не будут вообще в принципе» [15].

³ «В одной дисциплине за другой бегство от реальности становится столь всеобъемлющим, что ученые практически полностью упускают из вида то, что по идее должно быть предметом их изучения. Это касается ориенти-

В то же время «сдача в плен» формальных методов политологии и, отчасти, социологии не означает «конца истории»: торжествующий ныне экономический мейнстрим, зашедшей в своей экспансии слишком далеко, рискует получить удар с тыла от тех течений в экономической науке, которые он считает маргинальными и выброшенными за борт научного дискурса. Одним из наиболее вероятных соперников мейнстрима может оказаться возрожденная австрийская экономическая школа как самая последовательная и принципиальная противница математических методов.

В данной статье невозможно раскрыть существенные расхождения этой школы с неоклассическим мейнстримом⁴, поэтому сосредоточимся на ее критике его метода, что, конечно, не исключает, по возможности, и отдельных выводов относительно содержательной стороны экономической теории.

Австрийская праксиология против математики

Любой разговор об австрийской экономической школе начинается с фундаментальной работы Л. Мизеса «Человеческая деятельность». Праксиология и есть общая наука о человеческой деятельности, а экономическая теория – ее часть [8. С. 7]. Человеческая же деятельность принципиально не описывается никакими константами (в отличие от естественных явлений, где мы встречаемся, например, с гравитационной постоянной или постоянной Планка). Отсюда Мизес неоднократно подчеркивал бессмысленность оперирования математическими методами в их отсутствие. «Именно в игнорировании отсутствия постоянных связей между тем, что мы называем экономическими величинами, заключается коренной недостаток любого количественного к экономическим проблемам» [8. С. 112]⁵.

В этой связи любопытно заметить, что пользующийся мировым признанием российский экономист-математик В. Полтерович в интервью журналу «Эксперт» высказал мысли, очень близкие к тому, о чем писал Л. Мизес. «Чтобы стать точной наукой, экономике не хватает устойчивого эмпирически проверяемого соотношения между фундаментальными переменными (типа закона Ньютона), а найти его не удастся. Поэтому ситуация в экономической реальности меняется настолько быстро, что мы не успеваем ее изучать» [11]. С этим утверждением нельзя не согласиться, только стоит заметить, что экономисты австрийской школы писали об этом более полувека назад. Более того, они предупреждали о тщетности и бессмысленности такого поиска⁶.

Л. Мизес упомянул о физике далеко не случайно. В статье нашего современника, американского историка экономической мысли Ф. Майровского, с разных сторон показано, что «жесткое ядро неоклассической экономической теории состоит в заимствовании математических конструкций физики середины XIX в. в качестве жесткой парадигмы; и именно это жесткое ядро сохранялось на всем протяжении XX в., даже после того, как сама физика продвинулась вперед, к новым метафорам и методам» [7. С. 110]. Особо примечательно, что основатели неоклассики, как наглядно продемонстрировал Ф. Майровский, просто подставили в математические выкладки термодинамики полезность на место энергии. При этом «неоклассическая экономическая теория выборочно позаимствовала у физики XIX в. то, что ей было нужно, отбросив все для нее нежелательное» [7. С. 114].

Однако вернемся к Л. Мизесу, к его самой поздней монографии «Теория и история» (1957), которую его ученик и последователь М. Ротбард назвал «забытым шедевром» [13. С. XI]. В ней был провозглашен принцип методологического дуализма, согласно которому методы естественных и об-

рванных на количественные и формальные исследования социальных наук... Вслед за экономикой они моделируют себя с оглядкой на физику или на стилизованную версию того, что, по общему мнению, происходит в физике» [19. С. 25].

⁴ Интересующимся этим вопросом можно посоветовать работу современного приверженца взглядов австрийской экономической школы испанского экономиста Х. Уэрта де Сото «Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательство». В ней он в табличной форме систематизировал основные различия между австрийской и неоклассической школами [17. С. 3-6].

⁵ «Экономисты, желающие заменить “количественной экономической теорией” то, что они называют “качественной экономической теорией”, крайне заблуждаются. В области экономической науки нет постоянных зависимостей и, следовательно, невозможны никакие измерения» [8. С. 55].

⁶ «Науки о человеческой деятельности невозможно реформировать по образцу физики и других естественных наук. Не существует способов создания апостериорной теории человеческого поведения и общественных событий. История не может ни доказать, ни опровергнуть ни одного общего утверждения подобно тому, как естественные науки принимают или отвергают гипотезы на основе лабораторных экспериментов. В этой сфере невозможны ни экспериментальное подтверждение (верификация), ни экспериментальное опровержение (фальсификация) общих утверждений» [8. С. 33].

ественных наук должны быть принципиально разными. Как образно сформулировал это М. Ротбард в предисловии к книге Мизеса, ключевое положение заключается в том, что «способ и методология изучения и анализа людей должны радикально отличаться от анализа камней, планет, атомов и молекул» [13. С. XII].

Почему? И тут Л. Мизес выдвигает аргументы, которые были надолго забыты и вновь воспроизведены Д. Нортон только почти полвека спустя в работе «Понимание процесса экономических изменений» (вышла в свет на западе в 2005 г.) [10]. Это – отсутствие регулярности в человеческом поведении⁷, которое обусловлено тем, что «акты выбора определяются мыслями и идеями, о которых... естественные науки ничего не могут нам сообщить» [9. С. 10].

Отсутствие регулярности в силу преднамеренного характера человеческой деятельности, детерминированной такой неуловимой субстанцией, как «мысли и идеи», возвращает Л. Мизеса к проблеме постоянных и переменных величин. Если нет регулярности, то нет и констант. Если же нет постоянных величин, то нет смысла говорить и о переменных⁸. Х. Уэрто де Сото, в свою очередь, замечает, что в мире отсутствующих констант нет места и функциональным зависимостям. «По мнению австрийцев, в экономической теории, в отличие от физики и естественных наук, функциональных взаимосвязей (и, следовательно, функций спроса, предложения, издержек и вообще любых функций) не существует» [16. С. 44].

Очевидно, что в результате от неоклассических построений не остается и следа. М. Ротбард подробно проанализировал ошибочность с точки зрения австрийской школы неоклассических теорий полезности, включая концепцию кривых безразличия, а также теории благосостояния, включая представления о функциях общественного благосостояния и роли государства [14]. Ознакомление с его критикой заставляет поверить в истинность суждения о том, что стандартная экономическая теория «неизменно движется по пути наименьшего математического сопротивления, а не наибольшей релевантности» [12. С. 36].

Австрийская критика неоклассических моделей равновесия строится на аргументах Г. Майера – профессора Венского университета после Ф. Визера [16. С. 387; 17. С. 17-18]. Вывод, к которому здесь приходят австрийцы, звучит следующим образом: «*Использование математики в экономической науке не имеет смысла, так как этот метод синхронизирует величины, разнородные с позиций времени и предпринимательского творчества*» [17. С. 18].

Речь идет о том, что система уравнений (например, в модели общего равновесия) есть, как известно, система одновременных уравнений, то есть должна одновременно учитывать информацию о ценах и количествах благ. Однако это разнородные величины, которые никогда не формируются одновременно, а возникают последовательно в ходе процесса предпринимательской деятельности. Кроме того, эта деятельность (не случайно, кстати, напрочь отсутствующая в теории неоклассиков) заключается в непрерывном нарушении гипотетического равновесия, которое, если бы было достигнуто, означало бы полное затухание всякой активности⁹. Идеал неоклассиков есть, в сущности, царство «спящей красавицы» или, если провести сравнение со столь любимой ими физикой, нечто похожее на космическую черную дыру. В результате «уравнения, формулируемые математической экономической теорией, остаются бесполезной гимнастикой человеческого ума и оставались бы таковой, даже если бы выражали гораздо больше, чем они на самом деле выражают» [8. С. 332]¹⁰.

⁷ «Нечеловеческие объекты реагируют в соответствии с регулярными шаблонами; человек выбирает» [9. С. 9].

⁸ «В экономической науке не существует постоянных соотношений между различными величинами. Следовательно, все получаемые данные являются переменными или, что то же самое, историческими величинами. Экономисты-математики постоянно повторяют, что плодотворность математической экономической теории в том, что существует огромное множество переменных. Но дело в том, что есть только переменные и нет констант. Бессмысленно говорить о переменных там, где нет постоянных величин» [9. С. 10].

⁹ Л. Мизес указал на причину игнорирования предпринимателя экономистом-математиком, которая, согласно ему, заключается в том, что его активность «мешает идеальной системе достигнуть состояния совершенного равновесия и статистических условий» [8. С. 657]. Это прекрасная иллюстрация движения экономической теории по пути наименьшего математического сопротивления, а не наибольшей релевантности. В результате «он (экономист-математик. – А.З.) ненавидит предпринимателя как возмущающий элемент» [8. С. 657].

¹⁰ Характерно отречение от неоклассики в пользу австрийской школы такого известного специалиста в области истории экономических учений и методологии экономической науки, как М. Блауг. «Постепенно и крайне неохотно, но я все же пришел к выводу о том, что они [австрийская школа] правы, а мы все заблуждались [в вопросе о вальрасианском общем равновесии]» (Цит. по: [17. С. 164]).

Австрийская школа настаивает и на том, что вербальный язык наилучшим образом подходит для экономической науки, ставящей в центр внимания не статическое равновесие, а постоянно нарушающую тяготение к нему творческую деятельность предпринимателя. Х. Уэрто де Сото замечает, что экономисты-математики сначала формулируют проблему в логических терминах, а уж потом переводят ее на математический язык. При этом они ссылаются на то, что он делает их построения более точными и упорядоченными. На самом же деле «словесные выражения могут иметь значительную степень гибкости и общности (что является несомненным преимуществом), оставаясь при этом не менее точными, чем математические» [17. С. 178]¹¹.

Х. Уэрто де Сото указывает и на тот вред, который математические методы, затемняя реальную картину мира, нанесли экономической науке [17. С. 178-180]. Особо выделим тот факт, что «парадигма мейнстрима, которая базируется на анализе равновесия, оказалась не в состоянии объяснить внутренние присущие социализму проблемы» [18. С. 33]. Более того, как известно, в 1930-х гг. в знаменитых дебатах австрийской школы со сторонниками так называемого «рыночного социализма» на стороне последнего выступали создатели микроэкономической теории благосостояния. Неудивительно, что работающие в русле экономического мейнстрима экономисты и много лет спустя были не в состоянии предвидеть и крах реального социализма.

Благосклонность к социализму (централизованному управлению) неоклассиков на первый взгляд кажется каким-то парадоксом. Как же сторонники «невидимой руки» могут отличаться такой? Л. Мизес увидел, что эта благосклонность есть прямое следствие сведения экономистами-математиками цен и издержек к однородным величинам в целях построения соответствующих кривых, что создает иллюзию возможности прямого исчисления цен и издержек без участия общего средства обмена (денег)¹². «В результате в работах экономистов математического направления родилась идеальная конструкция социалистического сообщества как осуществимая система сотрудничества на основе разделения труда, как готовая альтернатива экономической системе, основанной на частном управлении средствами производства» [8. С.657-658].

Наибольшие же провалы ждали и ждут экономический мейнстрим на пути прогнозирования. При этом особо примечательно, что «представители основного течения экономической мысли отказываются принимать всерьез любую экономическую теорию, если она не отваживается на определенные прогнозы экономических событий, и в конечном счете судят об экономических теориях по точности сделанных на их основе предсказаний» [2. С. 19-20].

Подробная история рухнувших прогнозов, как и объяснения причин их неминуемых неудач отверженцами австрийской школы, была представлена ранее автором этой статьи [5. С.113-119]. И, тем не менее, в виду значимости вопроса стоит еще раз обратить на него внимание. В 2006 г. ректор РЭШ М. Гуриев, пропагандируя экономический мейнстрим, заявлял (в ответ на вопрос о том, какие задачи лучше не решать с помощью экономических методов): «Например, в России нельзя сделать хороший прогноз экономического роста на три года вперед. В Америке можно, а в России нельзя или можно, но тогда будет ошибка измерения $\pm 2-3$ процентных пункта, что делает это бессмысленным» [4].

Что ж, обратимся к прогнозам МВФ накануне и в период кризиса 2008-2009 гг. В указанной выше работе автора статьи рассчитано, что, действительно, ошибка измерения по России была велика, но значительно больше, чем допускал М. Гуриев. Сделанный в июле 2008 г. прогноз на 2009 г. предполагал экономический рост на 7,3%, тогда как в действительности наблюдался спад ВВП на 7,8% (ошибка равна 15,1 п.п.). Ну, а что же Америка? В июле 2007 г. МВФ пророчил США на 2008 г. экономический рост в 2,8%, на самом деле он был нулевым (ошибка, соответственно, 2,8% п.п.). В июле 2008 г. согласно прогнозу той же организации рост должен был составить 0,8%, в реальности

¹¹ Так, отнесенная М. Блаугом к 100 выдающимся экономистам после Кейнса Д. Макклоски полагает (по мнению М. Блауга), что язык экономики «должен оцениваться исходя из существующих литературных и эстетических стандартов, а не из так называемых “модернистских” критериев математической строгости, подкрепленной эмпирическими свидетельствами» [1. С. 171]. Аналогичного воззрения придерживается и лидер модернизированной немецкой исторической школы (известной под названием «Другой канон») норвежский экономист Э. Райнерт: «Вместо того, чтобы изъясняться на родных языках, экономисты перешли на математический язык и утратили ключевые качественные элементы своей науки» [12. С. 153].

¹² Критику Л. Мизесом неоклассической теории цен и издержек как не отражающего подлинного рыночного процесса см.: [8. С. 331-332].

же наблюдался спад на 2,6% (ошибка в 3,4% п.п.). Согласно М. Гуриеву, и первый, и второй прогноз по США бессмысленен. Вряд ли есть сомнения в том, что МВФ собирает для своих прогнозов команду выдающихся эконометриков. Вот только математика здесь бессильна.

Австрийская школа видела изначально принципиальную обреченность таких прогнозов (что для России, что для США, что для любой другой страны). «Мы в принципе не можем иметь научных знаний о том, что произойдет завтра, потому что это зависит в основном от того знания и от той информации, которых предприниматели еще не создали; соответственно их невозможно узнать» [16. С. 255].

В итоге критику математизации экономики можно завершить словами М. Блауга, который ранее принадлежал к тем, кто неприемлет австрийскую школу [2. С. 147-149]. «Современная экономическая наука больна. Она все больше становится интеллектуальной игрой просто ради игры, а не ради практического применения. Экономисты превратили свой предмет в некую разновидность социальной математики, в которой математическая точность – это все, а эмпирическая релевантность – ничто» (Цит. по: [12. С. 75]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2005.
2. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют // Вопросы экономики. 2004.
3. Вольчик В.В. Конкуренция научных школ или господство монополизма в сфере экономической теории? // Terra Economicus. 2008. Т. 6, № 4. С. 70-77.
4. Гуриев М. Роль экономики в становлении современных общественных институтов. URL: <http://www.polit.ru/article/2012/12/20/edu/>
5. Заостровцев А.П. Австрийский взгляд на экономику развития // Экономическая мысль: разнообразие концепций и сфер применения / под ред. А.П.Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», 2011. С. 113-140.
6. Либман А.М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития (научный доклад) // Теоретическая экономика: труды семинара / под ред. А.Рубинштейна. Кн. I. М.: ИЭ РАН, 2008. С.87-134.
7. Майровский Ф. Физика и «маржиналистская революция» // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 1. С.100-116.
8. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.
9. Мизес Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007.
10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.
11. Полтерович В. Модернизация – творческий процесс // Эксперт. 2010. № 26. URL: http://expert.ru/expert/2010/26/modernizaciya_tvorcheskij_process/
12. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
13. Ротбард М. Предисловие // Мизес Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007. С. XI –XVIII.
14. Ротбард М. О реконструкции экономической теории полезности и благосостояния // Экономическая политика. 2009. №1. С. 190-207; № 2. С. 128-147.
15. Саватеев А. Куда идет (и ведет нас) экономическая наука? URL: <http://www.polit.ru/article/2011/09/02/savvateev/>
16. Уэрто де Сото Х. Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум, 2011.
17. Уэрто де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2007.
18. Уэрто де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.; Челябинск: ИРИСЭН, 2008.
19. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

A.P. Zaostrovtssev

Neoclassical mainstream: Triumph of the scientific method or poverty of philosophy?

The article deals with the criticism of mathematization of economics by Austrian school of economics. The author stresses that Mises's methodological dualism consists in the division of methods of natural and social sciences. The article demonstrates that the Austrian school of economics connects mathematization with the key concepts of neoclassical economics. It reveals the origins of mathematization and its implications for economics.

Keywords: neoclassics, economic mainstream, the Austrian economic school, mathematization, economic imperialism, methodological dualism, praxeology, the lack of constants.

Заостровцев Андрей Павлович,
кандидат экономических наук, профессор
Санкт-Петербургский филиал
Научно-исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Союза печатников, д.16.
E-mail: zao-and@yandex.ru

Zaostrovtssev A.P., candidate of economics, professor
Saint-Petersburg Branch of National Research University
– Higher School of Economics
190008, Russia, St. Petersburg, Soyuzna pechatnikov st., 16
E-mail: zao-and@yandex.ru